

ИЗМЕНЯЮЩАЯСЯ ГЕОМЕТРИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ

Ал.А. Громыко

Что стоит за изменениями в конфигурации мировых и региональных центров влияния после окончания холодной войны? За последние двадцать лет был пройден большой путь. Начало ему положил крах биполярной системы мира, на обломках которой был поднят флаг «конца истории». Вместе с этим новую популярность обрела идея отмирания суверенных национальных государств, размывания государственного суверенитета и стирания государственных границ. Резонируя с этим, ускорились темпы наднациональной интеграции в рамках ЕС. Внимание уделялось проекту по созданию мирового правительства на базе ООН. Все это происходило параллельно тому, как на деле мир превращался в де-факто однополярный. Диссонансом с ожиданиями, вызванными окончанием холодной войны, стала теория столкновения цивилизаций. В категорию взгляда на будущее как на возрастание конфликтного потенциала в мировой политике стали концепции «молекулярных гражданских войн» и «теория хаоса».

Среди этих идей и подходов шаг за шагом дорогу себе пробивала концепция «многополярности» («полицентричности»). Во многом она была интегральной, так как сочетала признание важности в системе международных отношений и традиционных, и новых субъектов, в ней было место и национальным государствам, и наднациональным объединениям и структурам, и межгосударственным формированиям, и негосударственным игрокам. Главное, что ухватил этот подход, — ситуацию быстроизменяющегося баланса сил и интересов, постоянного переформатирования их расстановки.

Особенно быстро идея многосторонности стала овладевать умами после того, как свою несостоятельность обнаружило стремление к закреплению однополярного мира. При всей своей многосторонности мир продолжал оставаться некой иерархией, однако представляющей собой уже не две пирамиды влияния, как в биполярную эпоху, и не одну пирамиду однополярного мира, а некую многоярусную структуру, где есть первые среди равных, равные, второстепенные и маргинальные центры влияния. В этом смысле мир стал неполярным. Процессы выкристаллизовывания контуров многополярного мира ускорились вместе с приходом мирового кризиса. В 2011 г. он вступил уже в свою третью фазу — политическую, которая наложилась на две предыдущие — финансовую и экономическую.

В новую многополярную структуру оказались вмонтированными и послевоенные институты глобального и регионального управления, такие как ООН, МВФ, НАТО и др., и новые — ЕС, возникший в своем современном виде в 1992 г., «Большая восьмерка», «двадцатка», СНГ, ШОС и др.

С точки зрения России, ее позиции в начале XXI в. были достаточно прочными. Да, геополитическая катастрофа состоялась, но Россия сумела избежать соскальзывания в категорию второразрядных субъектов международных отношений. Ей удалось сохранить свое влияние и в ряде послевоенных структур, прежде всего в Совете Безопасности ООН, так и способствовать созданию новых — СНГ, ОДКБ, ШОС, ЕврАзЭС и др.

БРИК, а теперь и БРИКС, занял особое место в этом ряду. Он отображает

стратегию, в соответствии с которой Москва не собирается встраиваться ни в Запад, ни в Восток, а утверждает себя в качестве автономного межрегионального центра влияния с элементами глобальной державы, конечно, насколько это подкреплено ее реальными ресурсами, а не только декларациями. Россия — в основном европейская держава по своей культуре и истории, но по ментальности и психологии — трансконтинентальная, если не глобальная. Имея протяженные границы и на западе, и на юге, и на востоке, она геополитически не может, даже если захотела бы, замыкать свою внешнюю политику, включая экономическую, только на одном направлении.

Это не означает, что у Москвы не должно быть своих приоритетов при выстраивании отношений с различными «частями света». Ключевые приоритеты давно (по крайней мере, более десяти лет) известны: постсоветское пространство, затем Евросоюз и остальная часть Европы, США, Китай, другие страны БРИКС и т.д. Так как внешняя политика и национальные интересы любого государства многомерны, то их многофакторность в каждой конкретной ситуации диктует свою иерархию приоритетов. Например, с точки зрения поддержания мировой стратегической стабильности, никто в качестве ведущего партнера Москвы не может до сих пор конкурировать с США. Но все же есть регионы, которые по насыщенности интересов для той или иной державы, а значит, и по приоритетности превосходят остальные. На сегодняшний день и на обозримую перспективу таким регионом для России и в политическом, и в экономическом, и в финансовом, и в культурном плане остается Большая Европа.

Возможно, динамика мирового развития могла бы намного скорее привести к изменению приоритетов во внешней политике России, хотя трудно судить априори, насколько ее гипотетическое превращение в евразийскую державу с

переориентацией на регион АТР стало бы более выигрышно, чем нынешние геополитические склонности Москвы в сторону запада. Но, несмотря на громкие заявления, на деле Россия в последние годы еще больше стала европейским, нежели азиатским или, тем более, евразийским государством. Действительно, миграция россиян из Сибири и Дальнего Востока в европейский регион страны продолжается, львиная доля зауральской экономики завязана на западных рынках, инфраструктура на двух третях территории страны, т.е. на востоке, развивается крайне медленно, финансовые потоки из-за рубежа почти полностью сосредоточены также в европейской части России. И несколько новых газо- и нефтепроводов, связывающих ее с Китаем, Японией или другими неевропейскими государствами, не изменят этой картины. Для такого разворота потребовалась бы огромная воля государства и огромные ресурсы сродни эвакуации на восток советской промышленности в годы Великой Отечественной войны; никакой рыночной саморегулирующей этого не добиться. Однако очевидно, что такой воли у Российского государства нет; и близко не просматриваются какие-либо восточные проекты наподобие целины или БАМа.

Никто не будет спорить с тем, что России необходимо диверсифицировать свою внешнеторговую, внешнеэкономическую и инвестиционную деятельность, особенно в свете беспрецедентного подъема Китая, Индии, появления быстрорастущих рынков на огромном пространстве от Турции до Индонезии. Но зададимся вопросом: если лозунг модернизации страны воспринимается российским политическим и деловым классами, хотя бы их прогрессивной частью, серьезно, то ориентация на какую часть света быстрее способствовала бы реализации этой задачи? Вряд ли в этом есть и в скором времени появится более удобный партнер, чем европейский бизнес

(при понимании того, что в его же лице российский деловой мир одновременно сталкивается по многим вопросам с жестким конкурентом). Напротив, переориентация экономики страны на новые экономические центры Азии, наверняка, привела бы к консервации сырьевого характера российской экономики. Например, экономический рывок Китая и быстро идущий процесс модернизации его экономики связан именно с использованием потенциала западных рынков и интересов западных предпринимателей и инвесторов.

При всем сказанном вновь подчеркну, что европейская ориентация России по ряду ключевых вопросов своего развития не должна превращаться в монополярную и тем более эксклюзивную. В сфере безопасности, политики, экономики многовекторная внешняя политика, политика «по всем азимутам», политика стратегической глубины должна всячески приветствоваться и поддерживаться. Это в полной мере относится и к проекту БРИКС, обладающему огромным потенциалом.

Часто говорят, что БРИКС — это самосбывающееся пророчество, но надо помнить, что из ста пророчеств на деле сбывается только одно. Про БРИКС рассуждают много, поэтому укажу лишь на то, что этот статусный клуб или, другими словами, диалоговый форум, безусловно, преодолел к сегодняшнему дню границы виртуальной реальности. Его уникальность в том, что он включил в себя признанные четыре центра силы в мире — Россию, Китай, Индию, Бразилию. ЮАР в каком-то смысле получила фору, но не на ровном месте: эта страна претендует на лидерство в Африке. По представленности мировых центров силы БРИКС уступает только таким международным структурам, как Совбез и «Большая двадцатка».

БРИКС появился не случайно: он вырос из двух проектов — РИК (Россия, Индия, Китай) и ИБСА (Индия, Бра-

зилия, ЮАР). Интересно, что в 2001 г. формальным признаком для составления Джимом О'Нилом аббревиатуры БРИК были экономические критерии. Но сам формат состоялся в первую очередь благодаря политической воле, которая только еще должна была быть подкреплена экономическим фундаментом. Например, при создании европейских сообществ в 1950-е гг. движение было противоположным — от экономики к политике, хотя экономика и должна была рано или поздно решить масштабные политические задачи, быть не конечной целью, а инструментом в превращении Западной Европы в зону вечного мира.

Помимо БРИКС существуют и другие не менее амбициозные проекты по координации действий различных центров силы в мире: это и КЕС (Китай, Евросоюз, США), и КАР (Китай, Америка, Россия), и АРЕ (Америка, Россия, Евросоюз), и «Большая четверка» (США, ЕС, Китай и Япония), и, конечно же, Чаймерика (Китай и США). Какие-то из них сугубо умозрительные, под другими есть реальные основания. Но в отличие от БРИКС, эти конструкции менее перспективны. Что касается КЕС и КАР, то эти конфигурации имеют очевидные политические лимиты роста по линии авторитарных и либеральных ценностей. Это относится в полной мере и к Чаймерике, но здесь главным препятствием служат даже не столько ценностные различия, сколько геополитическое соперничество. АРЕ, безусловно, обладал бы большим потенциалом, однако при условии превращения ЕС в реального мирового автономного политического игрока. Пока это остается делом среднесрочного будущего. Обратим внимание на то, что единственным связующим звеном между всеми из названных конфигураций является повсеместное участие в них США.

Вклад БРИКС, уже сделанный, но в основном потенциальный, в формирование многополярности — это не воспроизведение баланса сил в класси-

ческом смысле, а, скорее, способ увеличения адаптивности к мировым реалиям, не навязывание своего взгляда на вещи, но в то же время стремление к усилению влияния на мировые и региональные процессы. Здесь не заложен вектор противопоставления; речь почти исключительно идет об инструментарии «мягкой силы».

Идея, которая изначально была заложена в концепции БРИК, т.е. анализ возможных конфигураций новых центров влияния в мире, развивается дальше. Так, все чаще говорят о группе «следующие одиннадцать» (Next 11), в которую входят «перспективные рынки», о группе «Восточная семерка» (East 7) — расширенный первоначальный состав БРИК плюс Турция, Индонезия и Мексика.

В обиход экономистов и политологов вошло понятие «рынков роста», среди которых, а их насчитывается восемь, лидерами являются опять же страны БРИК, т.е. те, у кого два и выше процентов от мирового ВВП (всего 17%, из которых у России 3%). За ними следует второй эшелон — Индонезия, Мексика, Южная Корея и Турция, т.е. страны, имеющие свыше одного процента от мирового ВВП (всего 6%). То есть в сумме рынки роста — это 23% мирового ВВП. Насколько рынки роста смогут координировать усилия для продвижения своей повестки дня в мировых делах, согласовывать свои позиции для превращения арифметической суммы их национальных ВВП в объединенное экономическое и политическое влияние, пока сказать трудно. Вероятнее всего, что они будут стремиться наращивать свою роль в рамках уже действующих структур, таких как «Большая двадцатка», БРИКС и др.

Что касается позиций России в треугольнике Россия — Б(Р)ИКС — ЕС, который, в отличие от всех других, не включает США, то уникальность ее положения в том, что, образно говоря, одной ногой она стоит у порога ЕС в качестве его стратегического партнера (да-

же при частичной декларативности этого принципа), а другой — в БРИКС в качестве стратегического партнера каждой из стран-участниц, что закреплено в их внешнеполитических документах. Конечно, у каждого из членов БРИКС есть свои, двусторонние отношения и с ЕС, и с США, но это отношения, если хотите, одного региона с другим или даже одной цивилизации с другой. В силу своей географической и цивилизационной специфики у России таких барьеров меньше, по крайней мере они ниже, возможно, за исключением связки США — Бразилия.

Эти же сравнительные преимущества Россия распространяются и на ее отношения в «Большой восьмерке» и «Большой двадцатке». В первой она образует фактически собственную категорию в одном лице и способна предлагать, по крайней мере теоретически, свою повестку дня, в том числе с точки зрения интересов своих стратегических партнеров, включая членов БРИКС. Во второй участие России более органично, так как там у нее открываются возможности разыгрывать не только карту своего вхождения в элитный клуб «восьмерки», к которому она до сих пор принадлежит лишь отчасти (не будучи членом «финансовой семерки»), но и солидаризироваться с Китаем и другими новыми центрами влияния в мире во взаимодействии с участниками «семерки», которые могут считаться полноценными единомышленниками.

Возвращаясь к конфигурации Россия — Б(Р)ИКС — ЕС, зададимся вопросом, что отличает все из его высот с точки зрения вопросов глобального управления от внешнеполитических подходов США? Попробуем перечислить эти отличия. Это упор на:

- многополюсность (многосторонность, полицентричность);
- примат международного права и центральную роль ООН в глобальном управлении;

— необходимость модернизации существующих механизмов глобального управления;

— принцип коалиционности в принятии решений;

— первостепенное значение «мягкой силы» при сохранении ресурсов на применение в форс-мажорных ситуациях «силы жесткой».

В таких новаторских форматах, как БРИКС или вышеназванный треугольник, Россия обретает не на словах, а на деле возможность играть, помимо прочего, роль страны-связки, страны-моста между другими крупнейшими мировыми игроками. Насколько ей это удастся, зависит от нее самой, другими словами — от всех нас с вами.